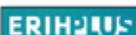

Ильина О. В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана / О. В. Ильина, Е. В. Каблукوف // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 52—66. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-52-66.

Ilyina, O. V., Kablukov, E. V. (2020). Practices of Constructing Regional Identity in the Media Discourse of Tatarstan. *Nauchnyi dialog*, 3: 52-66. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-52-66. (In Russ.).

УДК 81'42:070(470.41)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-52-66

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ТАТАРСТАНА¹

© **Ильина Ольга Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3342-1624, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), olga.ilina@urfu.ru.

© **Каблукوف Евгений Викторович (2020)**, orcid.org/0000-0001-9112-4145, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), evgeny.kablukov@urfu.ru.

Авторы рассматривают идентичность как условный дискурсивный конструкт, результат идентификаций субъектов дискурса и предлагают собственную методику ее анализа. Показано, что региональная идентичность может быть представлена в виде модели, в основе которой пространственная и темпоральная идентификации, задающие систему координат реальности, в которой существуют жители рассматриваемого региона. Представление о пространстве-времени дополняется набором разнородных тематических идентификаций, в числе которых экономическая, политическая, культурная, этническая, религиозная, языковая и др. В статье впервые в рамках социально-конструкционистской парадигмы построена дискурсивная модель региональной идентичности жителей Татарстана. Эмпирическим материалом исследования является корпус текстов татарстанских СМИ за 2017—2019 годы. Показано, что пространственная идентификация татарстанцев включает практики отбора, номинации и описания значимых географических объектов, практики конструирования отношений Татарстана с другими географическими объектами. Особое внимание уделено практикам конструирования столичного статуса регионального центра, а также связи пространственной и политической идентификации. Анализируя практики этнической, религиозной, языковой и культурной идентификации, авторы приходят к выводу об этноцентричности идентичности татарстанцев: несмотря на декларируемую многонациональность и поликонфессиональность региона, особое значение придается татарам как этносу, татарскому языку, татарской культуре и исламу как традиционной религии татар.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Ключевые слова: дискурс; дискурс-анализ; дискурсивная практика; идентичность; идентификация; Татарстан.

1. Теоретические основания и методика исследования

Придерживаясь социально-конструкционистского подхода [Бергер и др., 1995; Брубейкер, 2012; Водак, 2011; Филлипс и др., 2008; 2004; Gergen, 1985; Van Dijk, 2008 и др.], мы определяем идентичность как условный дискурсивный конструкт, формируемый в результате идентификаций субъектов дискурса, а идентификацию — как установление тождества или различия с кем-, чем-либо. Понимаемая таким образом идентичность характеризуется динамичностью (изменчивостью), фрагментарностью и ситуативностью, см.: [Ильина и др., 2019, с. 120—121; Проблемы конструирования ..., 2017, с. 21—24; De Cillia et al., 1999, p. 154]. Данный подход противостоит популярному ранее эссенциалистскому представлению об идентичности как относительно стабильной сущности, принадлежащей субъекту (см.: [Каблуков, 2018, с. 23—24; Benwell et al., 2006, p. 18—20]), и предусматривает отказ от поиска и анализа когнитивных оснований идентичности, поскольку она рассматривается как факт дискурса (ср. с понятием «дискурсивный концепт»: [Чепкина, 2000, с. 10]).

При исследовании идентичности мы опираемся на лингвистическую методику дискурс-анализа, которая предполагает изучение дискурсивных практик: практик формирования объектов дискурса (их отбора, номинации и описания), практик формирования субъектных позиций дискурса и практик конструирования истины, определяющих функционирование дискурсивных концептов, см.: [Чепкина и др., 2011; Фуко, 2004, с. 227—228]. Как мы показали ранее, любая региональная идентичность может быть представлена в виде модели, ключевыми элементами которой являются пространственная и темпоральная идентификации, задающие своеобразную систему координат, внутри которой выделяются иные актуальные для субъектов дискурса идентификации. В их числе экономическая, политическая, культурная, этническая, религиозная, языковая и др. (подробнее о модели региональной идентичности и о методологической целесообразности использования термина *модель* см.: [Ильина и др., 2019, с. 120—121; Каблуков, 2018, с. 26—28]).

В настоящей работе мы обращаемся к практикам конструирования региональной идентичности жителей Татарстана, которая чаще исследуется в рамках социологических наук: методами опроса, анкетирования и интервью анализируются региональная, этническая и национально-гражданская идентификации татарстанцев, характеризуется соотношение этих идентификаций, см.: [Дробижина, 2002; Макарова, 2011; Консолидирую-

шие идентичности ..., 2012; Shemshurenko et al., 2016; Suleymanova, 2009 и др.]. Мы же, опираясь на представленную выше модель, покажем, как региональная идентичность жителей Татарстана конструируется в дискурсе республиканских СМИ. Источником материала послужили тексты газет «Челнинские известия» (как наиболее рейтингового издания региона, по данным агентства «Медialogия» [Медialogия]) и «Республика Татарстан» (как официального регионального издания, учредителем которого являются правительство и парламент Республики Татарстан) за 2017—2019 годы, извлеченные из корпуса медиатекстов «Интегрум» [Интегрум].

2. Пространственные идентификации татарстанцев в дискурсе СМИ

Для пространственной идентификации важны практики отбора, номинации и описания географических объектов [Ильина и др., 2019, с. 122—124]. Значимые для татарстанцев объекты — это города *Казань, Альметьевск, Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Мензелинск, Заинск* и др., реки *Волга, Кама, Свияга, Казанка, Вятка, Шешма, Зай, Мёша, Ик*, озера *Кабан, Раифское*. Например: *Есть идея охватить все три реки Татарстана: Свиягу мы покорили, впереди еще Волга и Кама* (Челнинские известия. 13.07.2018) [Интегрум]; *Серьезные амбиции по благоустройству и у Альметьевска — нефтяной столицы Татарстана, где на сегодняшний день проложено более пятидесяти километров велодорожек и продолжается преобразование серых панелек в рамках проекта «Сказки о золотых яблоках»* (Республика Татарстан. 21.10.2019) [Там же].

Использование местных топонимов без родовых наименований служит ярким сигналом региональной идентичности, поскольку свидетельствует о принадлежности автора и адресата к одной общности, члены которой обладают схожими представлениями о пространстве: *В Арске под программу благоустройства попадают сразу два объекта: береговая линия Казанки и улица Большая* (Челнинские известия. 27.07.2018) [Там же]. Так формируется «свой круг», в который вовлекаются не только журналисты и другие субъекты дискурса, но и аудитория рассматриваемых изданий [Ильина и др., 2019, с. 121].

Таким образом, практики номинации географических объектов предполагают использование вышеперечисленных топонимов и, конечно, названия самой республики *Татарстан*. Также важны образованные от него прилагательные и названия жителей республики (*татарстанский, татарстанцы*).

Отдельно рассмотрим значимые для идентификации татарстанцев практики конструирования регионального центра. Для номинации Казани

используются следующие перифразы: *столица Татарстана, столица РТ, татарстанская столица, столица республики, столица нашей республики, третья столица России* и др. Такой отбор номинаций подчеркивает столичный статус города. Заметим, что точно так же свердловские СМИ конструируют образ Екатеринбурга как столицы Урала и третьей столицы России [Ильина и др., 2019, с. 124]. Однако в отличие от свердловских СМИ издания Татарстана используют номинацию *столица* для обозначения регионального центра и без каких-либо конкретизаторов: *Новый главный градообразующий документ для Казани — генплан — уже разработан и будет согласован в ближайшее время. Решит ли он такие застарелые проблемы столицы, как низкий уровень озеленения и неразвитость инфраструктуры около Волги? Попробуем разобраться* (Республика Татарстан. 06.04.2019) [Интегрум]; *Левый берег Казанки станет украшением столицы* (Республика Татарстан. 23.04.2019) [Там же]. При этом конкретизаторы появляются, когда речь идет о Москве, например: *Решение о создании еще одного татарского культурного центра в столице России было принято еще в 2016 году* (Челнинские известия. 25.08.2017) [Там же].

Для субъектов медиадискурса важен не только формальный столичный статус регионального центра, но и его лидерство в самых разных сферах общественной жизни: *Веления времени как раз в том и состоят, что Казань, позиционирующая себя как спортивная столица России, Татарстан, который является одним из ведущих спортивных регионов страны, должны были давно создать в республике нечто подобное* (Республика Татарстан. 04.04.2019) [Там же]. *Успокоить себя можно только тем, что Казань — одна из столиц медицинского туризма России — оказалась на 13-м месте* (Челнинские известия. 04.08.2017) [Там же].

Следующая актуальная практика пространственной идентификации — конструирование отношений (соседства, сходства или различия, части или целого и т. д.) между регионом и другими географическими объектами. Так, Татарстан конструируется как часть Поволжья, России, Азии, тюркского и исламского мира. Например: *Два татарстанских фильма представлены в конкурсе Международного фестиваля азиатского кино (SAFF) в Шарм-эль-Шейхе (Египет)* (Республика Татарстан. 05.03.2019) [Там же].

Значимыми «соседями» оказываются, во-первых, граничащие с Татарстаном Самарская и Ульяновская области, во-вторых, страны и народы, исповедующие ислам и / или говорящие на тюркских и арабских языках: *Турция, Узбекистан, Саудовская Аравия* и др.: *На юге Татарстана у «ФосАгро-Регион» имеется собственный дистрибуционно-логистический центр, обеспечивающий минеральными удобрениями аграриев близле-*

жащих районов, а также соседних с **Татарстаном Самарской и Ульяновской областей** (Республика Татарстан. 10.10.2019) [Там же]; *С 8 по 10 октября в Турецкой Республике побывала татарстанская делегация во главе с министром образования и науки Республики Татарстан Энгелем Фаттаховым. Визит был приурочен ко Дню просвещения Республики Татарстан в Турции* (Челнинские известия. 18.10.2017) [Там же].

Для идентичности жителей Татарстана важно место республики на карте России, ее роль в жизни страны: *Фарид Мухаметишин поздравил представителей массмедиа, отметив, что татарстанские СМИ занимают достойное место в российском профессиональном сообществе и с полной ответственностью выполняют свою информационную миссию* (Республика Татарстан. 14.01.2017) [Там же]; *Как отметил Фарид Мухаметишин, Татарстан одним из первых в стране запускает Школьную волейбольную лигу, которая наравне со Студенческой лигой является основным звеном в длинной цепи по подготовке волейболистов* (Республика Татарстан. 01.03.2019) [Там же].

Важно отметить, что в медиадискурсе Татарстана конструируются гармоничные отношения республики с другими субъектами Российской Федерации и федеральным центром, отсутствуют смыслы, отрицающие единство России и провоцирующие сепаратистские настроения. Однако Татарстан конструируется как территория с особым политическим статусом республики, то есть государства внутри России: *Уже после революции в первых Конституциях СССР было написано, что автономные республики — это государства. Так было и так есть в Конституции Российской Федерации, не говоря уже о Конституции Республики Татарстан. Потому что республики в составе развивающейся Российской Федерации укрепляют страну, наравне со всеми вносят свой достойный вклад, и надо очень осторожно подходить к решению этих вопросов* (Челнинские известия. 13.10.2017) [Там же].

Таким образом, политическая идентификация жителей Татарстана пересекается с пространственной и предполагает конструирование особого политического статуса республики со своим государственным языком, своей конституцией и своим президентом, что, с одной стороны, точно соответствует букве российской конституции, а с другой — является постоянным поводом для проблематизации федеративных отношений и политического единства страны.

3. Темпоральные идентификации татарстанцев в дискурсе СМИ

Темпоральная идентификация предполагает конструирование прошлого, настоящего и будущего региона, при этом актуальными оказы-

ваются практики отбора, номинации и описания тех или иных событий. Особое значение имеет прошлое территории [см.: Smith, 1991, p. 14]. Исторический нарратив Татарстана в СМИ включает события, связанные с историей Волжской Булгарии, Золотой орды, Казанского ханства. Как отмечает Л. М. Дробижеева, «татарские идеологи, обращаясь к истории золотоордынского периода, “увеличивают вес” исторических обоснований значимости своего народа» [Дробижеева, 2002, с. 228]. Например: *5 марта в Музее истории государственности татарского народа состоится открытие выставки «В поисках Золотого трона», посвященной 750-летию образования Золотой Орды* (Республика Татарстан. 05.03.2019) [Интегрум]; *Калашиников побывал и в Билярске, который стоит на месте древней столицы Волжской Булгарии — одной из прародительниц Татарстана* (Республика Татарстан. 05.09.2019) [Там же].

Особое место отводится истории татарской государственности, нередко в противопоставлении с российской. При этом оценочное переосмысление получают концепты ИГО ОРДЫНСКИХ ХАНОВ (словосочетания *татарское иго*, *монгольское иго*, *татаро-монгольское иго* в исследуемом материале не употребляются), ВЗЯТИЕ КАЗАНИ (*завоевание / захват Казани*) [см. также: Дробижеева, 2002, с. 224]: *В пояснительной записке к законопроекту говорится, в частности, о том, что в результате событий на реке Угре произошло окончательное освобождение Руси от ига ордынских ханов. На взгляд историков, «стояние на реке Угре» не является значимым историческим событием, поскольку подобных фактов в прошлом было немало. «Необходимо отрешиться от трактовок, которые провоцируют рознь между народами России. У страны будет общее будущее, только если у нас будет общее прошлое», — подчеркнул видный ученый республики Искандер Гилязов* (Республика Татарстан. 29.08.2019) [Интегрум]; *Сведения передавались от поколения к поколению, их для нас сохранил мой отец Гайса Газизов. Он говорил, что наши корни от тех татар, что убежали в Башкирию от насильственного крещения после взятия Казани Иваном Грозным* (Челнинские известия. 02.08.2018) [Там же].

Важным историческим событием, объединяющим не только татарстанцев, но и всех жителей России, становится Великая Отечественная война: *В разгром фашистов под Ленинградом свой вклад внесла наша республика. В разных операциях по обороне Ленинграда, прорыву и снятию блокады города-героя принимали участие сотни тысяч уроженцев и жителей Татарии. Более 45 тысяч из них погибли. В боях за город на Неве получили звание Героя Советского Союза 17 уроженцев Татарстана и еще двое стали полными кавалерами ордена Славы. Как родных принял Татарстан*

многие и многие тысячи ленинградцев, эвакуированных в республику. Ряд крупных промышленных предприятий и научных учреждений Ленинграда работали на татарстанской земле. В свою очередь жители нашей республики собирали вещи, продукты и денежные средства в фонд обороны любимого всеми города (Челнинские известия. 01.02.2019) [Там же].

Конструирование будущего в медиадискурсе Татарстана связано с описанием предстоящих событий, имеющих большое значение для развития региона: *Чемпионата мира по футболу, Чемпионата мира World Skills, 100-летия со дня образования ТАССР* и др.: *Выставочный комплекс мы строим в Лаишевском районе («Казань ЭКСПО». — Ред.) не только для того, чтобы провести чемпионат мира WorLdSkiLLs в 2019 году. Поэтому вложения не временные. Конечно, это стоит денег, часть затрат возьмет на себя федеральный бюджет, основные средства по строящемуся объекту — из бюджета республики, — заключил Президент РТ* (Челнинские известия. 20.10.2017) [Там же]; *Несомненно, сплочению татарстанцев и единению народов Российской Федерации будут способствовать мероприятия, приуроченные к 100-летию со дня образования ТАССР. В их числе — открытие в районах республики новых объектов социально-культурной сферы, создание общественных пространств* (Челнинские известия. 29.09.2017) [Там же].

Н а с т о я щ е е предстает более сложным конструктом, который целесообразно рассмотреть как совокупность практик экономической, политической, культурной, этнической, конфессиональной и языковой идентификаций.

Ученые отмечают этноцентричность региона, а также важность религиозной и языковой идентификации [Дробижева, 2002; Rorlich, 1999; Wertheim, 2005]. Как показало наше исследование, в медиадискурсе Татарстана сосуществуют, с одной стороны, практики конструирования многонационального и поликонфессионального региона, а с другой — практики конструирования доминирующих этноса и конфессии (татар и ислама). Например: *Маршрут призван знакомить туристов с традициями и культурой народов, населяющих республику. Он проходит по сёлам Никольское, Атабаево и Ташикирмень. В Никольском гостей встречает русский фольклорный ансамбль «Каравон». В Ташикирмени экскурсантов знакомят с музеем «Возрождение», в котором представлена история и культура **кряшен**. В Атабаеве, в месте слияния Волги, Камы и Мёши, гостям покажут татарскую национальную игру «Кичке уен» с народными обрядами и старинными песнями* (Республика Татарстан. 01.03.2019) [Интегрум]; *Но в одном соискатели были единодушны: каждая программа **Казанского** цирка должна иметь ярко выраженный национальный колорит. Один из них представил даже*

примерный перечень цирковых номеров по мотивам татарских народных сказок, своеобразный парад-алле с участием самых известных фольклорных персонажей (Республика Татарстан. 01.03.2019) [Там же].

Рассмотрим еще пример: *Для личного состава дивизии можно выделить следующие закономерности: в ней много сорокалетних, то есть 1900—1901 годов рождения, призванных из Татарстана и Саратовской области. Скорее всего, призывники из Татарстана плохо владели русским языком, многие были малограмотными, чему были и объективные причины из-за чехарды с письменностью татарского языка — до 1927 г. В ней использовался арабский алфавит, в 1927—1939 гг. — латиница, а с 1939 г. — кириллица* (Республика Татарстан. 01.03.2019) [Там же]. Показательно, что в данном тексте происходит синонимизация номинаций *призывники из Татарстана* и *носители татарского языка*. Таким образом, наличие титульного этноса в некоторых случаях приводит к отождествлению региональной и этнической идентичности.

Религиозная идентичность также порой сливается с региональной. Показательным примером такого слияния являются обращения президента Татарстана к жителям республики по случаю официальных праздников: *Дорогие татарстанцы! Уважаемые соотечественники! Сердечно поздравляю вас со знаменательной памятной датой — Днём официального принятия ислама Волжской Булгарией. В 922 году души наших предков по милости Всевышнего озарил благодатный свет ислама, который и по сей день согревает и вдохновляет нас, утверждая в стремлении к спасению, духовному совершенствованию, миру и созиданию* (Республика Татарстан. 21.05.2019) [Там же]. В данном случае наблюдается отождествление двух групп, в состав которых включает себя говорящий субъект, — татарстанцев и мусульман. Причем примеров отождествления татарстанцев с представителями иных религий в рассматриваемых изданиях мы не находим.

Языковая идентификация татарстанцев определяется двуязычием региона. Сосуществование русского и татарского языков конструируется в СМИ как конкурентное и проблемное: *Татарский язык как государственный язык республики по факту изучается за счет учебного времени предметной области «Родной язык и литература». Это обстоятельство стало предметом обоснованного недовольства части русскоязычной родительской общественности по следующим основаниям: — татарский язык изучается как родной, что таковым не является; — объемы изучения русского языка не соответствуют объемам, рекомендованным Министерством образования и науки Российской Федерации с 2015 года* (Челнинские известия. 27.10.2017) [Там же].

Однако такое конструирование проблемного двуязычия смягчается в реальной речевой практике: характерной чертой медиадискурса Татарстана является языковая интерференция — взаимодействие языковых систем при языковых контактах, выражающееся во «вторжении <...> норм одной системы в пределы другой» [Вайнрайх, 1972, с. 26—27]. Мы проанализировали факты лексической интерференции и выделили несколько парадигматических рядов татарской лексики, наиболее часто встречающейся в русскоязычном медиадискурсе Татарстана и конструирующей региональную идентичность с этническим акцентом [см.: Русский язык ..., 2014, с. 301—313]:

— номинации традиционных блюд татарской кухни (*бэләш / бэлиш / балиш, губадия, кыстыбый, эчпочмак, перемяч, чак-чак* и др.);

— номинации родственных отношений или социального статуса лица, используемые также как вежливые обращения (*абый, ага, апа, бабай, эби, эни, ханым / ханум, хазрат* и др.);

— татарские (и шире — тюркские) антропонимы и топонимы: имена (*Азат, Гульзада, Ильиназ, Камиль, Минтимер, Рамиль, Рустам, Сакина, Фаиль, Флёра* и др.), фамилии (*Валиулин, Гайфуллин, Джалялетдинов, Муртазин, Нигматуллин, Самигулин, Шаймиев* и др.), в том числе прецедентные имена, значимые для татарской культуры (*Альмандар, Алтынчеч Зилант, Сююмбике*), топонимы (*Балыклы, Нурлат, Каракуль, Кызыл Тау, Киязлы, Тубылгы Тау, Чатыр-Тау* и др.);

— мусульманская религиозная лексика (*ифтар, махалля, мунаджат, хадис, халяль, харам, шакирд* и др.).

Например: — *Я еще помню, как люди забавлялись, стреляли по минарете из охотничьего ружья, — говорит Исмагил-ага. На минарете и сейчас можно найти следы от этих пуль* (Челнинские известия. 18.01.2019) [Там же]; *В мечетях Казани, древнего Болгара, других городов и сёл нашей республики сегодня особенно торжественно и весомо звучат призывы к единению, благоразумию и состраданию. Доброй традицией стало проведение многолюдных **ифтаров**, детских праздников, благотворительных и культурно-просветительских мероприятий* (Республика Татарстан. 04.06.2019) [Там же]; *Из сладкого чувашки готовили пастилу, пироги из черемухи, а также в больших кадках делали моченые яблоки. Ни одно празднество и застолье не обходилось и без блюда хуплу, которое внешне похоже на татарский **бэлиш*** (Челнинские известия. 07.03.2018) [Там же]. Интересно, что в последнем примере чувашское блюдо описывается как новое, неизвестное читателю, а татарское выступает как уже известный объект для сравнения, для разъяснения. Это демонстрирует тесную связь идентичности татарстанцев с татарской национальной кухней.

В большинстве случаев татарские слова даются без перевода: *ага* (‘дядя, почтенный человек’), *бэлиш* (‘пирог’), *ифтар* (‘разговение, прекращение поста у мусульман; вечерняя трапеза в дни Рамазана’) [Татарско-русский словарь, 2007]. Использование вкраплений из татарского языка и знаков татарской культуры в русскоязычном медиадискурсе без специальных пояснений позволяет подчеркнуть национальный колорит, этническую самобытность региона и сконструировать круг «своих» — татарстанцев.

Языковая идентификация тесно связана с этнической, конфессиональной, а также культурной идентификацией. Перечисленные парадигмы номинаций вычленяют культурно значимые сферы. Для культурной идентификации оказываются также важными национальный татарский фольклор, мифология и литература, татарская музыка, национальные ремесла и др. Например: *Татарстанский Кыш Бабай стал вторым по популярности Дедом Морозом в нашей стране после своего коллеги из Великого Устюга. <...> Напомним: Кыш Бабай и его дочка Кар Кызы ждут гостей в своей резиденции в селе Новый Кырлай Арского района. Там также можно встретить других сказочных героев — Шурале, Батыра, Убырлы Карчык (Бабуягу), Шайтана, Аждаху (Змея Горыныча) и красавицу Алтынчеч (Златовласку)* (Республика Татарстан. 13.11.2019) [Там же]. Актуальны практики отбора персонажей: писателей, композиторов, певцов, художников, ремесленников Татарстана. При этом региональная идентичность часто сливается с этнической, и культурными героями Татарстана становятся, прежде всего, представители титульного этноса — татары: *У поэтессы гибкий, одухотворенный, богатый язык, в котором слышится живая, образная татарская речь, пульсирует её глубинный ритм, ярко проявлены рифмы беитов, сказаний, дастанов. Отдельным циклом представлены стихи, посвященные выдающимся историческим личностям. Среди них — Сююмбике, Нурсултан, Каюм Насыри, Габдулла Тукай, Фатих Амирхан, Муса Джалиль, Салих Сайдашев, Сара Садыкова, Ильгам Шакиров ... Это совесть и гордость нации, нравственный ориентир для нынешних и будущих поколений* (Республика Татарстан. 02.04.2019) [Там же].

Политическую идентификацию мы коротко рассмотрели выше — в связи с конструированием особого места Татарстана на политической карте России. Экономическая идентификация татарстанцев связана с сельским хозяйством и нефтяным сектором: *Президент Татарстана Рустам Минниханов назвал сельское хозяйство ключевой отраслью экономики и основой продовольственной безопасности республики. Он отметил, что на долю отрасли приходится 11 % валового регионального продукта РТ. По объему валовой продукции сельского хозяйства Татарстан находится*

в числе лидеров среди субъектов России и на первой позиции в Приволжском федеральном округе (Челнинские известия. 13.10.2017) [Там же]; **Ягоды и овощи нефтяного края**. В Альметьевском районе в 2016 году стартовал проект, аналога которому нет в России. Это «Овощная долина». А всё началось с того, что в 2012 году житель Казани Ильдар Ситдиков создал фермерское хозяйство и занялся выращиванием ягод на бывших колхозных землях около села Большие Яки Зеленодольского района (Республика Татарстан. 20.12.2019) [Там же].

4. Выводы

Идентичность татарстанцев в медиадискурсе складывается как комплекс пространственных и темпоральных идентификаций, вступающих в сложное взаимодействие с различными тематическими сферами — политикой, экономикой, языком, культурой. Значимыми соседями для татарстанцев оказываются регионы Поволжья, а также страны и народы, исповедующие ислам, говорящие на тюркских и арабском языках. Региональный центр Татарстана конструируется как столица, а сам Татарстан — как относительно независимое «государство в государстве», но одновременно и как неотъемлемая и важная часть России. Исторический нарратив, определяющий темпоральную идентификацию татарстанцев, включает важные события из истории Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и др. История становления татарской государственности конструируется как диалог с Россией. Политическое, экономическое, этническое, конфессиональное, языковое и культурное направления идентификации тесно связаны друг с другом и существуют внутри описанной выше пространственно-временной системы координат. Татарстан позиционируется как нефтяной и сельскохозяйственный регион. Несмотря на декларируемую многонациональность и поликонфессиональность республики, особое значение придается этнической идентичности татар, исламу, татарскому языку и татарской культуре.

Источники

1. *Интегрум* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://integrum.ru/>.
2. *Татарско-русский словарь* : в 2 т. — Казань : Магариф, 2007. — Т. 1 (А—Л). — 726 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Академия-Центр : МЕДИУМ, 1995. — 323 с.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.

3. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Языковые контакты / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейга. — Москва : Прогресс, 1972. — Выпуск 6. — С. 25—60.
4. *Водак Р.* Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 286—291.
5. *Дробижева Л. М.* Российская и этническая идентичность : противостояние или совместимость / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся. — 2002. — № 2. — С. 213—244.
6. *Ильина О. В.* Новые городские медиа как субъект конструирования территориальной идентичности / О. В. Ильина // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 4 (30). — С. 215—223.
7. *Ильина О. В.* Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблуков // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119—131.
8. *Каблуков Е. В.* Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ : теоретические аспекты научного моделирования / Е. В. Каблуков // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. — 2018. — № 3. — С. 23—29.
9. *Камаева Р. Б.* Структурно-словообразовательные особенности топонимов в романе В. Имамova «Казанская крепость» («Казанская крепость») / Р. Б. Камаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Выпуск 10. — С. 171—174.
10. *Консолидирующие* идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. — Москва : Институт социологии РАН, 2012. — 149 с.
11. *Макарова Г. И.* Динамика российской региональной и этнических идентичностей в Татарстане / Г. И. Макарова // Социологические исследования. — 2011. — № 5. — С. 71—77.
12. *Медиалогия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6446/>.
13. *Проблемы* конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / под редакцией Э. В. Чепкиной. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 196 с.
14. *Русский язык* в многоуровневом социокультурном пространстве / ответственный редактор Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 323 с.
15. *Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ : теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен. — Харьков : Издательство Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
16. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. — 416 с.
17. *Чепкина Э. В.* Журналистский дискурс : анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. — 2011. — № 2. — С. 76—85.
18. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс : Текстопорождающие практики и коды (1995—2000) / Э. В. Чепкина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. — 279 с.
19. *Benwell B.* Discourse and identity / B. Benwell, E. Stokoe. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 328 p.

20. *De Cillia R.* The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // *Discourse & society*. — 1999. — № 10 (2). — Pp. 149—173.
21. *Gergen K. J.* The Social Constructionist Movement In Modern Psychology / K. J. Gergen // *American Psychologist*. — Vol. 40, № 3. — Pp. 266—275.
22. *Krzyżanowski M.* The discursive construction of European identities : A multi-level approach to discourse and identity in the transforming European Union / M. Krzyżanowski. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. — 232 p.
23. *Rorlich A. A.* History, collective memory and identity : The Tatars of sovereign Tatarstan / A. A. Rorlich // *Communist and Post-Communist Studies*. — 1999. — Vol. 32, № 4. — Pp. 379—396.
24. *Shemshurenko O. V.* The problems of relations of ethnic and muslim confessional identity in modern Tatarstan / O. V. Shemshurenko, A. H. Tuhvatullin, L. M. Zabbarova // *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. — 2016. — Vol. 20, Is. 3. — P. 101—108.
25. *Smith A. D.* National Identity / A. D. Smith. — Reno : University of Nevada press, 1991. — 221 p.
26. *Suleymanova D.* Tatar groups in Vkontakte : The interplay between ethnic and virtual identities on social networking sites / D. Suleymanova // *Digital Icons : Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. — 2009. — Vol. 1, № 2. — C. 37—55.
27. *Van Dijk T. A.* Discourse and context : A socio-cognitive approach / T. A. Van Dijk. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2008. — 288 p.
28. *Wertheim S.* Islam and the construction of Tatar sociolinguistic identity / S. Wertheim // *Religion and Identity in Modern Russia : The Revival of Orthodoxy and Islam*. — London : Routledge, 2005. — Pp. 106—123.

PRACTICES OF CONSTRUCTING REGIONAL IDENTITY IN THE MEDIA DISCOURSE OF TATARSTAN¹

© **Olga V. Ilyina (2020)**, orcid.org/0000-0002-3342-1624, PhD in Philology, associate professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), olga.ilina@urfu.ru.

© **Evgeny V. Kablukov (2020)**, orcid.org/0000-0001-9112-4145, PhD in Philology, associate professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), evgeny.kablukov@urfu.ru.

The authors consider identity as a conditional discursive construct, the result of subjects of discourse identifications and offer their own methodology for its analysis. It is shown that regional identity can be represented in the form of a model based on spatial and temporal identifications that specify the coordinate system of reality in which there are residents of the region

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-312-00143 “Regional Identity of Russians in the Media Discourse: Unity and Diversity”.

in question. The concept of space-time is complemented by a set of diverse thematic identifications, including economic, political, cultural, ethnic, religious, linguistic, etc. For the first time in the framework of the socio-constructionist paradigm, a discursive model of the regional identity of the inhabitants of Tatarstan is constructed in the article. The empirical material of the study is the corpus of texts of Tatarstan media for 2017-2019. It is shown that the spatial identification of Tatarstan people includes the practice of selecting, nominating and describing significant geographical objects, the practice of constructing relations of Tatarstan with other geographical objects. Particular attention is paid to the practice of constructing the capital status of a regional center, as well as the relationship of spatial and political identifications. Analyzing the practices of ethnic, religious, linguistic and cultural identification, the authors come to the conclusion that the identity of the Tatarstan people is ethnocentric: despite the declared multinationality and multi-confessionality of the region, Tatars as an ethnic group, Tatar language, Tatar culture and Islam as a traditional religion of the Tatars are of particular importance.

Key words: discourse; discourse analysis; discursive practice; identity; identification; Tatarstan.

MATERIAL RESOURCES

Integrum. Available at: <https://integrum.ru/>. (In Russ.).

Tatarsko-russkiy slovar': v 2 t., 1: (A—L). (2007). Kazan': Magarif. (In Russ.).

REFERENCES

- Benwell, B., Stokoe, E. (2006). *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya*. Moskva: Academia-Tsentr: MEDIUM. (In Russ.).
- Brubeyker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp*. Moskva: Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Chepkina, E. V. (2000). *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: Tekstoporozhdayushchiye praktiki i kody (1995—2000)*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
- Chepkina, E. V. (ed.) (2017). *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniyem kontsepta «informatsionnaya voyna»*. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. (In Russ.).
- Chepkina, E. V., Enina, L. V. (2011). Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (2)*: 76—85. (In Russ.).
- De Cillia, R., Reisigl, M., Wodak, R. (1999). The discursive construction of national identities. *Discourse & society, 10 (2)*: 149—173.
- Drobizheva, L. M. (2002). Rossiyskaya i etnicheskaya identichnost': protivostoyaniye ili sovместimost'. *Rossiya reformiruyushchayasya, 2*: 213—244. (In Russ.).
- Fillips, L. Dzh., Yorgensen, M. V. (2008). *Diskurs-analiz: teoriya i metod*. Kharkov: Izdatelstvo Gumanitarnyy tsentr. (In Russ.).
- Fuko, M. (2004). *Arkheologiya znaniya*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
- Gasparov, B. M., Kupina, N. A. (eds.) (2014). *Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokulturnom prostranstve*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
- Gergen, K. J. The Social Constructionist Movement In Modern Psychology. *American Psychologist, 40 (3)*: 266—275.

- Ilina, O. V. (2018). Novyye gorodskiyе media kak subyekt konstruirovaniya territorialnoy identichnosti. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 4 (30): 215—223. (In Russ.).
- Ilina, O. V., Kablukov, E. V. (2019). Praktiki konstruirovaniya uralskoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (74): 119—131. (In Russ.).
- Kablukov, E. V. (2018). Regionalnaya identichnost' rossiyan v diskurse SMI: teoreticheskiye aspekty nauchnogo modelirovaniya. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, 1 (3): 23—29. (In Russ.).
- Kamayeva, R. B. (2019). Strukturno-slovoobrazovatelnyye osobennosti toponimov v romane V. Imamova «Kazan dastany» («Kazanskaya krepost'»). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (10): 171—174. (In Russ.).
- Konsolidiruyushchiye identichnosti i modernizatsionnyy resurs v Tatarstane*. (2012). Moskva: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.).
- Krzyzanowski, M. (2010). The discursive construction of European identities: A multi-level approach to discourse and identity in the transforming European Union. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Makarova, G. I. (2011). Dinamika rossiyskoy regionalnoy i etnicheskikh identichnostey v Tatarstane. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 5: 71—77. (In Russ.).
- Medialogiya*. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6446/>. (In Russ.).
- Rorlich, A. A. (1999). History, collective memory and identity: The Tatars of sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 32 (4): 379—396.
- Shemshurenko, O. V., Tuhvatullin, A. H., Zabbarova, L. M. (2016). The problems of relations of ethnic and muslim confessional identity in modern Tatarstan. *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*, 20 (3): 101—108.
- Smith, A. D. (1991). *National Identity*. Reno: University of Nevada press.
- Suleymanova, D. (2009). Tatar groups in Vkontakte: The interplay between ethnic and virtual identities on social networking sites. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 1 (2): 37—55.
- Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and context: A socio-cognitive approach*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Vaynraykh, U. (1972). Odnoyazychiye i mnogoyazychiye. *Novoye v lingvistike. Yazykovyye kontakty*, 6. Moskva: Progress. 25—60. (In Russ.).
- Vodak, R. (2011). Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy analiz diskursa. *Politicheskaya lingvistika*, 4: 286—291. (In Russ.).
- Wertheim, S. (2005). Islam and the construction of Tatar sociolinguistic identity. *Religion and Identity in Modern Russia: The Revival of Orthodoxy and Islam*. London: Routledge. 106—123.